

«МНЕ БЫ ЖИТЬ И ЖИТЬ, СКВОЗЬ ГОДЫ МЧАСЬ...»

К 100-летию со дня рождения Владимира Маяковского

«Трибун революции», «страстный глашатай нового мира», «цвет и краса всей поэзии XX века», «великий строитель», «титан»... Каких только эпитетов и определений не получал Маяковский на протяжении десятилетий, когда он числился «первым и главным» стихотворцем страны. Но времена меняются, и сегодня — в полном соответствии с извечной российской традицией то возносить, то ниспровергать, то без удержу хвалить, то безжалостно хулить — поэт то и дело именуются «певцом тоталитаризма», «идеологом сталинских репрессий»... Однако истина никогда не бывает столь прямолинейной. И сегодня, в канун 100-летия со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского, мы попросили ряд известных деятелей культуры высказать свое нынешнее отношение к судьбе и творчеству поэта.

Лев АННИНСКИЙ, критик:

— В раннем детстве отец во весь голос читал надолго мной «Поэму о пятилетке». Я думал, что он меня хочет напугать, и из любви к нему — пугался.

В десятом классе перед стихами обнаружилось предупреждение: «Лучший и талантливейший... Неуважение преступно». Во мне поселился глухой страх: а вдруг я преступник? Стихи окаянели.

Год спустя просочилась сквозь камень живая стовлика: «В ковчеге ночи новый Ной, я жду в разливе риз: сейчас придут, придут за мной и узел рассекнут земной секирами зарю». Я учился в университете и филологическим ухом увлеченно ловил поэзию сквозь гранит и грохот. Потом грохот одолел, и я замкнул уши.

Пробудил меня своей книгой Юлий Карачижевский, раздолбавший гранитную фигуру лучшего и талантливейшего. Это была лихая работа, но эффект получился неожиданный: под обломками оказался осатаневший от неуверенности шестнадцатилетний отрок. Карачижевский над ним издевался, а мне мальчика стало жалко. И потому, что он был отмечен Богом, и потому, что судьба не дала ему других путей, кроме бандитских. Он не стал мне ближе. Но я его наконец расслышал. Как основоположник совкового хамства он по-прежнему страшен. Но как жертва того же хамства (в ответ) щемяще жалок. И как гениально одаренный поэт — бессмертен.

Если опять его вташат на очередной «корабль современности», выставят тараном, поднимут как знамя, распялят как символ, — опять умрет поэт. И вновь придется кому-то воскрешать его, лоя человека, кую лшув в остервенелом среди всеобщей драки подрастке.

Сергей ЮРСКИЙ, актер и режиссер:

— Я никогда не чувствовал Маяковского близким себе. Но сталкивался с его творчеством довольно часто. Читал стихи Маяковского, сделал телевизионный фильм по Маяковскому, поставил спектакль для Миланского театра по заказу Джорджо Стрелера, который сам выбрал пьесу Маяковского... Не скрою: каждое прикосновение к творчеству поэта ошарашивало, нокаутировало меня огромностью таланта, который нельзя опровергнуть. Оригинальность его мышления, масштаб личности, степень мастерства не нуждаются в дополнительных эпитетах. Но полемика, развернувшаяся сегодня вокруг его имени, по своему закономерна. Вершина, которой поэт, безусловно, достоин, но на которую его возвели искусственно, сделала Маяковского символом системы, перевернувшейся ныне вверх ногами. Он, который был выше высшей точки, оказался ниже низшей. Это, повторю, закономерно, но не имеет отношения ни к мере его таланта, ни к будущей, вечной судьбе его произведений.

Особо следует сказать о самобытности Маяковского, во всем которого существует

порой просто эпитомой Байрона. Зато Маяковский сразу получил классных переводчиков (первой из которых стала Райт-Ковалева), да и многочисленные его выступления за рубежом оставили яркий след в сознании современников. В поэзии возникла целая интернациональная школа: Неруда, Борхес, Марцинкявичюс и другие ориентировались на его эстетические принципы.

Действительно, у кого еще мы найдем столь смелую, нова-

ветских порядков, нежели в пьесах «Клоп» и «Баня», без которых развитие мировой сатиры представить себе просто невозможно?

Все эти разговоры: «продал» лиру, сменил ее на рупор политического агитатора — болтовня на уровне интеллектуального детского сада. Большие поэты никогда не проходили мимо политической тематики.

Уникальность Маяковского еще и в том, что появление поэта такой силы сегодня вряд ли возможно. XX век выдвинул немало замечательных русских поэтов; это, может быть, и есть то главное, что привнесла наша страна в мировую цивилизацию за все столетие. Маяковский открыл великую эпоху, сегодняшние поэты (для меня первый из них — Бродский) закрывают. Имена эти, конечно, трудно сопоставимы — как мало сопоставимы и сами соответствующие им исторические моменты.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ, поэт, ведущий рубрики «Окно в поэзию»:

— Что касается моего отношения к Маяковскому, то оно не изменилось. Я любил и люблю его лирические стихи и не принимаю произведения, написанные по социальному заказу. И дело тут вовсе не в политической позиции художника. Можно быть ярым прогрессистом — и при этом скверно писать: гениальный Рембо славен отнюдь не своими революционными стихами. А произведениями Киплинга, этого «певца британского колониализма», мы зачитываемся до сих пор. Отчего так? Да просто потому, что в поэзии важно не ЧТО сказано, а КАК. Обыденные понятия лжи и правды не имеют здесь силы: на наших глазах они несколько раз менялись местами, но правда поэзии, правда художественного языка оставалась неизменной.

Ранние стихи Маяковского — это в полном смысле слова заявка на гениальность: «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студня косые скаты океана. На чаше жестоной рыбы почел я зовы новых гвб. А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?»

Маяковский трагичен, потому что он был искренен, когда пытался заставить поэзию служить политике. Поэзия жестоко отплатила ему: она покинула его там, где язык лирики он полмгновением ожесточенной полемики и агитационной риторикой.

И все же от его стихов, как от стихов Данте, пахнет серой. Они всегда будут интересны читателям подлинной поэзии. Не верите? Перечитайте хотя бы вот это:

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь

нужно?

Значит — кто-то хочет,

чтобы они были?

Значит — кто-то называет

эти плывбчки жемчужиной?

И, надрываясь

в метелях полуденной пыли,

врывается к богу,

боится, что опоздал,

плачет,

целует ему жилистую руку,

просит —

чтоб обязательно была

звезда! —

клянется —

не перенесет эту

беззвездную муку!

А после

ходит тревожный,

но спокойный наружно.

Говорит кому-то:

«Ведь теперь тебе ничего?

Не страшно?

Да?!

Послушайте!

Ведь, если звезды

зажигают —

значит — это кому-нибудь

нужно?

Значит — это необходимо,

чтобы каждый вечер

над крышами

загоралась хоть одна звезда?!

1914 год.

Владимир Маяковский. 1915 год.

столько домыслов, догадок, версий. Говорят, в частности, что он покончил с собой из-за разочарования в идеалах революции. Вот это неправда. Никогда не поверю, что поэмы «Хорошо» и «Владимир Ильич Ленин» написаны подхалимом. Силы такой не могло бы быть. Стиха такого не могло бы быть. Так мог написать только очень искренний человек, выразивший не только свое, но и общее мироощущение. И потому все разговоры, что до 1917 года в России была идиллическая жизнь, а потом пришли дьяволы (в том числе, надо думать, и Маяковский) и все разрушили, кажутся мне обывательскими. Нет, волна революции, которая поэта подняла, была в том числе им же и поднята, он был ее частью, ее голосом.

Для многих людей в мире, читающих его переводы, он остается вожатым нового времени. Сегодня и сейчас. Будем гордиться, что мы поставили памятник Маяковскому в центре Москвы. Не дай Бог, если кому-то придет в голову шальная мысль прикоснуться к нему недобрыми руками.

Владимир ДАШКЕВИЧ, композитор:

— Для меня Маяковский — бесспорно самый выдающийся поэт России XX века. И единственный из русских, ставший в полном смысле мировым поэтом. Тут он опережает даже Пушкина: тому долго не везло с переводами, в них он выглядел

торскую передачу самого духа времени, его ритмики, его пульса? Маяковский заложил основы не только поэтического, но и музыкального языка XX века. Знаю это не понаслышке, а изнутри, как композитор, немало написавший на его стихи: тут и симфония «За всех вас», и опера «Клоп», обреченная с московским театром «Третье направление» несколько десятков европейских городов...

Правда, в самой России приходится все чаще сталкиваться с наивно-негативным отношением к Маяковскому: дескать, «пролетарский поэт» и все прочее... Да, это правда, он был увлечен коммунистическими идеями — как, кстати говоря, были ими увлечены 90% той самой мировой художественной элиты (вспомним хотя бы Пикассо) — и выразил их со всей силой присущего ему романтизма.

Но вместе с тем — какая зоркость, какое точное предчувствие опасностей, грозящих стране и миру на пороге тоталитаризма! В поэме «Владимир Ильич Ленин» есть строки, которые лишь в наше время вошли в опубликованный текст: «Если б был он царствен и божествен... я бы стал бы в перекоше шестивый... По Кремлю бы бомбами метал «Долой!»

Строки эти, между прочим, для меня определяют, на чьей стороне оказался бы Маяковский, проживи он еще хоть с десяток лет. А где вы найдете более беспощадную критику со-